

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Крюков Алексей Михайлович

**Ученая традиция и провинциальные реалии
в гомилиях митрополита Афинского Михаила Хониата
(1182–1205 гг.)**

ПРИЛОЖЕНИЯ

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история
(Средние века)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научные руководители —
академик РАН, профессор
С.П. Карпов;
доктор исторических наук,
профессор И.С. Чичуров

Москва — 2015

ИЗБРАННЫЕ ОГЛАШЕНИЯ
МИХАИЛА ХОНИАТА

[ОГЛАШЕНИЕ V]

В1. ...Назначенный в качестве образа молитвы. И Соломон говорит: *«Кое изобилие человеку во всем труде его, имже трудится под солнцем»* (Еккл. 1, 3)?

В2. Между тем пост, имея всё это в виду, предлагает заботливое и действенное законоположение, и даже молча обличает большую заботливость о еде и жадность к деньгам и стяжаниям, как ничего лишнего не прибавляющую к жизни человеческой. Ибо вот, я слышу, как пост открыто возвещает о том, что и одним хлебом, а лучше сказать, не хлебом только, но и словом Божиим (Втор. 8, 3; Мф. 4, 4) легко жить. Пусть же посмотрят на это презирующие пост, и пусть постыдятся те, кто непрестанно преумножает обширные и плодородные поля, никогда не насыщаясь в стремлении своем. Смотрите, как и скромными средствами может жить человек! Ведь природа не устроила полость чрева бездонною. Смотрите и постыдитесь своих тщетных мучений. Вот и воздержание от мяса, и уклонение от вина, даже не в сытость ядомый хлеб и скудное употребление масла, — и, однако, люди живут, и живут жизнью гораздо более приятной и счастливой. Какая же польза от безмерной любостыжательности? Ибо вы заслуживали бы извинения, если бы нельзя было прожить без обременения себя вещами излишними; но коль скоро и малый кусок хлеба, и вода или смешанное с водою вино качестве питья, и один только хитон сохраняют сие преходящее тело, то какая выгода в большем? Разве вы, умирая, заберете всё это с собой?

В3. И это мы слышим только от самого поста, взывающего громким гласом. Я же давно заметил, что не какая-либо настоятельная необходимость влечет большинство людей к приобретению большего. Ведь то, без чего мы, люди, не можем жить, Бог сделал легко определяемым и легко достижимым; но мысль извращенная и, как говорит Соломон, *произволение духа* (Еккл. 1, 14) заставляют человека стремиться к большему. Происходит же это обыкновенно от того, что мы неразумно употребляем желательную способность души. Бог посеял ее в душе человеческой, чтобы мы любили Бога и предметы божественные; мы же, люди, забыв о необходимости очищать крылья такой любви и питать ее свойственной ей пищею, привыкаем носиться возле чего-либо низменного. От природы душа имеет склонность привязываться к чему-либо любовью, и кто не направляет сего расположения к добродетели, мудрости и славе Божией, или не взлетает к наслаждению будущими благами, тому неизбежно пресмыкаться около чувственных сих и долу влекущих предметов и прилепляться или к красоте тел, или к приобретению денег, или к услаждению яствами, или к почести от людей, или ко всему этому вместе либо его большей части, подобно тому, как открытый глаз, если не взирает на красоту солнца или воздушное пространство и глубину неба, неизбежно

смотрит на что-либо земное. И древний Израиль потому с великим вожделием обращался к Египту, что не испытывал особого влечения к земле, *точащей млеко и мед* (Исх. 13, 3); желал котлов египетских и домогался мяса потому, что отвратился от хлеба ангельского и надругался над прекрасным питанием манною. Думаю я, что и Соломон, пока он любил красоту премудрости, не помышлял о многих женах; а как только угасил стремление к ней, тотчас воспламенился женолюбием, как и Димас, *возлюбив нынешний век* (2 Тим. 4, 10), оставил Павла, а вместе с Павлом и благовествование о Христе.

В4. Так желание души по необходимости или стремится к Богу и божественным предметам, или вращается около вещей низменных и человеческих, так что она страстно держится того, к чему имеет склонность, и всецело прилепляется к чему-то из двух. Если же душа разделяется и находит приятность как в здешних, так и в тамошних благах, и ни настоящих не отвращается совсем, ни к лучшим и божественным не устремляется, то хромает *на обе плесне* (3 Цар. 18, 21). Впрочем, это зло умеренное, так что при сравнении двух зол оно предпочтительнее, нежели склонность к настоящему. Оно естественно для связанных брачными узами, и исправить его легче. Но поскольку мы, составляющие полноту Церкви, состоим из людей разных занятий и образа жизни, и не от всех требуется одинаковая строгость во всём, то давайте проведем справедливое разделение и укажем каждому то, что ему подобает.

В5. И прежде других надлежит обратиться к нам, служителям алтаря, ибо мы являемся для других братьев тем же, чем око для остального тела. Нам приказано светить перед ними и вести их ко всему доброму, поскольку мы более других приближены к Богу и отделены от народа не менее своей жизнью, нежели достоинством. В древности это было явлено расположением и стоянием на горе, когда Моисей, Аарон, Надав и Авиуд и семьдесят старейшин израилевых взошли ко Господу, народ же не взошел вместе с ними, и стоял где-то внизу, у подножия горы; ныне же сия священная преграда¹, отделяющая священнодействующих от остального народа, указывает на великое отличие внутренней нашей жизни от жизни стоящих вне. Итак, почтим сан свой, облечемся в правду, будем сиять, *как светила в мире, содержа слово жизни* (Фил. 2, 15–16)! Пусть народ обретет в нас одушевленный образец добродетели и живое увещание. Стыдно, если мы, священники, станем *якоже людие* (Ос. 4, 9), не говорю уж любостыжательными или ростовщиками, домогающимися поля или дома, или скота ближних, потому что от этого воздерживаются и умереннейшие из приверженцев мира сего; но не будем со всем усердием стремиться к Богу, разделяя свою службу между Богом и маммоной. Ибо жителство каждого христианина *на небесах* (Фил. 3, 20), и всякий должен пренебрегать настоящими вещами, отрешаться от здешнего странствования и стремиться к небесному граду оных первородных; особенно же это относится к избравшим жизнь монашескую и безбрачную. Ибо эти два ока, то есть житие священническое и монашеское, должны просвещать остальное тело

Церкви и руководить к ожидаемому и невидимому. Иначе мы сделаем лживыми свои священные обеты и совершим двойной грех: тем, что грешим сами, и тем, что и других побуждаем к подобным прегрешениям. Ведь и книжники и фарисеи, затворявшие царство небесное, заслужили большего осуждения из-за того, что и сами не входили, и желавших войти не допускали. Ибо порок способен вызывать желание подражать ему, и особенно тогда, когда зримым примером его служат люди уважаемые.

В6. Ты, о монах, отрекся от мира, возненавидел плоть, а лучше сказать, дал обет ненавидеть ее, и разорвал узы брачные? Соблюдай обеты свои пред Богом, внимай себе, пойми и смысл символических одежд, в которые облачаешься. Чего требует от тебя мантия, на которую сменил ты мягкий плащ, для чего отложил ты и избыток волос, и сбросил сладостное иго брачное, и отринул плотской образ жизни? Разве не знаешь, что всё это пособия, и нетрудные, чтобы успешнее следовать за Христом, брать только крест, ежедневно любомудрствовать о смерти, и держатся сего только занятия? Постыдись хоть себя самого, если, величаясь монашеским постригом и прикрываясь любомудренной одеждою, дав обет безбрачной и всецело распятой жизни, после этого ничем не отличаешься от согнутых брачным ярмом и рабствующим миру. Если ты занят тысячами хлопот и *связал себя делами житейскими* (2 Тим. 2, 4), то напрасно лишил себя естественных кудрей и напрасно поменял цвет одежды на черный. Ибо не в этом состоит отречение от мирских дел. Сказано: *Расторгните сердца ваша, а не ризы ваша* (Иоиль 2, 13). И почтенные одежды сами по себе не заслуживают почтения, если не украшаются им благодаря жизни, соответствующей обетованию. Но пусть они будут для тебя символом смирения ради Христа и подобием багряницы Его. Поскольку же ты дал обет страдать вместе со Христом, то пусть глава твоя увенчивается не заботами, как тернием, а жизнью по богу суровою и сопряженною с частыми скорбями за добродетель. И души не пригвождай к плотским удовольствиям, но все земные члены свои распинай со Христом (Гал. 2, 19). Таким образом ты не будешь помышлять о делах мира и не увлечешься в вещественную двойственность, забыв единичную невещественность². Вот что относится к священническому и монашескому чину.

В7. Что же сказать несущим брачное иго, которые ссылаются на жен и детей, обвиняя супружество в своей испорченности, словно бы для того Бог узаконил брак, чтобы Самому из-за него подвергнуться бесчестию? Ведь как в старину виновные, приводя жен и детей, просили милости у своих обвинителей, так и теперь, когда мы увещеваем жить по правде и достойно великого упования христианского, тотчас выставляют жен и детей, и, с упорством твердя, что привязанному к жене и принужденному кормить детей невозможно соблюдать заповеди Христовы, думают, будто не подлежат ответственности, если предаются любостыжанию и тысяче иных прегрешений. Но, любезный, жена дана тебе в помощь, чтобы вместе с тобою подвизаться в добре, а не как нечто враждебное и служащее предлогом к нарушению божественных заповедей. Жена есть добрая домоправи-

тельница, помощница в несении житейских тягот и хранительница целомудрия для мужа, которая обязана следовать за ним, как за естественною главою, когда он предупреждает ее в чем-то хорошем. Ибо сказано: *К мужу твоему обращение твое* (Быт. 3, 16). Посмотри, как блаженный Авраам, услышав: *«Изыди от земли твоя, и от рода твоего, и от дому отца твоего»*, (Быт. 12, 1) тотчас вышел и отправился на чужбину, нисколько не медля и не ссылаясь на жену, но, напротив, имея в ней спутницу и участницу переселения. Да и когда ему пришлось гостеприимно принимать Бога в шатре, то сам он, побежав к стаду, взял *телца млада и добра*, а Сарре сказал: *«ускори и смеси...и сделай потребники»* (Быт. 18, 6–7). И ни в странствовании, ни в оказанном Богу гостеприимстве жена не была помехою, а, скорее, побуждала к тому и другому, как и жены Иакова. Ибо они говорят: *«Ныне убо, елика тебе рече Бог, твори»* (Быт. 31, 16). А великий Моисей, когда Бог посылал его в Египет, выставляя поводом к отказу то неискусную речь, то косноязычие, а не жену и детей. И позже, когда встретил Моисея ангел и хотел убить, то его спасла жена, которая, обрезав крайнюю плоть сына своего, бросила ее к ногам его. *И отиде от него ангел, занеже рече: ста кровь обрезания сына моего* (Исх. 4, 26).

В8. Вот как эти божественные мужи имели жен и детей, но не терпели от них никакого вреда для своей добродетели, а, напротив, находили в их лице помощников в угождении Богу. А жена праведного Лота, которая, оглянувшись назад, сделалась соляным столпом, разве увлекла и своего мужа к подобной гибели? Нисколько. Посему и когда праотец, пытаясь перенести вину на другого, сказал: *«Жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох»*, — то его оправдание не было признано убедительным или вообще благовидным, и не позволило ему избежать наказания смертью. Так и ты не должен делать брака, данного тебе от Бога в помощь, орудием богоненавистничества, а детей, это благословение брака, превращать в повод к проклятию.

В9. Если ты ради воспитания детей считаешь допустимым любостяжание, преступаешь закон и не милуешь брата, то где же тогда вера в Бога, где упование? Не угождает ли Он пищу *птенцем врановым* (Пс. 146, 9), не дает ли пропитание львам рыкающим? Так как же Бог оставит в пренебрежении детей боголюбивого мужа или уморит их голодом? Ибо сказано: *Не видех праведника оставлена, ниже семене его просяща хлебы*. И еще: *Весь день милует и взаим дает праведный, и семья его во благословение будет* (Пс. 36, 25–26). Впрочем, если даже дети находятся в опасности, не следовало бы из-за этого пренебрегать божественной заповедью, но милосердию к детям и любви к жене надлежит предпочитать вещания божественные. *Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 26).

В10. Впрочем, поскольку для тебя недостижимо совершенное подвижничество, держись среднего пути, и, отстав от совершенства, не отставай и от середины. Не

будь чадолюбивым только, но и боголюбивым. Собирай сокровища не только для детей, но и для души. Скажи себе оные владычные слова: *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а повредит душе своей* (Мф. 16, 26)? Какую пользу принесут мне жена и дети, если там я буду терпеть наказание за то, что здесь предавался любостыжанию из-за любви к ним и склонности к преходящему? Если Ной, Иов и Даниил не будут услышаны, ходатайствуя за виновных, то тем более жена и дети не вытащат тебя из геенны. Присоедини и слова Екклесиаста, который говорит: *И возненавидех аз всяческая мира и труд мой, имже аз труждаюся под солнцем, яко оставляю его человеку будущему по мне. И кто весть, мудр ли будет, или безумен? И обладати ли имать всем трудом моим, имже трудихся и имже мудрствовах под солнцем? И сие же суета* (Еккл. 2, 18–19). Сверх всего, следуй по стопам веры Авраама, и как тот *верою принес в жертву Исаака*, убежденный, что *Бог силен и из мертвых воскресить* (Евр. 11, 17–19), так и ты не преступай божественных повелений из-за жалости к детям, но веруй, что Бог может больше и обильнее воздать твоим детям от щедрот своих.

В11. Избегай уловок любостыжания и суетных извинений его, ибо любостыжание есть страшное зло, и более неуместное, нежели все прочие. И разумно наблюдающий найдет, что всё испорченное в мире происходит от какого-нибудь излишества, которое бывает не только в душе, но и в теле, а то и в мире. Уничтожение мира во времена Ноя было совершено с помощью избытка воды, последнее же уничтожение произойдет от избытка огня. И как преизобилие воды привело некогда к затоплению вселенной, так и впоследствии — избыток огня, так что преумножение сих очистительных стихий способствует очищению оскверненного мира. Об этом вы можете услышать от великого Петра, который говорит, что *воспламененные небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят* (1 Петр. 3, 10). Телесные же болезни, в свою очередь, наступают, или когда жар в нас превышает меру и возбуждает горячку, или когда избыток влаги производит заболевания от скопления дурных соков. А до тех пор, пока ни одна стихия не преобладает над остальными, но всем управляет соразмерность, в теле пребывает здоровье, а во вселенной — устройство (*κόσμος*), которые так и именуются. Но и в душе наглость и необузданность представляют собой избыток того, что в соразмерности выглядит как мужество и целомудрие.

В12. Так и для государства здоровье, устройство и совершенство состоит в том, чтобы каждый не жадничал сам и не терпел от чужой жадности, а довольствовался своим, не касаясь чужого; болезнь же, порча и бедствие в неравенстве и стремлении к большему. Из-за этого разбойник острит свой злодейственный меч, Ксерксы же и Дарии, владеющие Азией, жаждут власти над Европой и, изменяя естественные границы, иссушают море и открывают проливы между горами, чтобы, соединив материки, владеть ими. А если бы и это сбылось по их намерению, то и тогда не было бы удовлетворено желание этих несчастных, и самая граница вселенной не остановила бы их жажду, но они покорили бы себе даже океан и не

поленились прибрать к рукам то, что лежит за ним. Так не знает предела страстно жаждущий большего, который приобретенное превращает в топливо для своего желания, и чем больше приобретает, тем больше разжигается. А если бы такому человеку можно было приобрести всё и он бы этого как-нибудь добился, то, конечно, порицал бы природу за то, что она не создала большего. Подтверждением этих слов служит Мидас фригиец, пожелавший всякую вещь обращать в золото, как будто природного золота для него было недостаточно.

В13. И не то что бы таков был только помешанный на золоте, а объятый какой-нибудь другой страстью держался более умеренного образа мыслей. Но и славолюбец неудержим в своем стремлении, и если бы мог превзойти всех, то пожелал бы еще иметь престол на звездах, как в трагедии выразился беотийский юноша, споря с братом об отцовской власти³. Но что говорить о золоте и славе, которые почти всем желанны и любезны? Страстному скотоводу не довольно стад, жадному земледельцу — пахотной земли, а плодородных полей и домов — тем, кто любит такое. И вот он добавляет к дому, поместью или полю владения соседей, к тем — живущих дальше, потом пограничные с ними, и добивается того, чтобы вовсе избавиться от соседей по дому или полю. К таким я вынужден обратиться со словами пророка: *Еда вселитесь едины на земли* (Ис. 5, 8)? О люди, еще немного, и мы оставим здесь эти дома, поля и вообще всякое имение, и, лишённые всего, отправимся дать отчет за суетное любостяжание, и тело это унаследует могилу длиной в три локтя, а душа будет отвечать перед Богом за то, что, сотворенная Им и получившая заповедь обращаться к Нему, вместо этого прилепилась к земле и забыла о своем отечестве.

В14. Но тебя не смущает боязнь тамошних наказаний, и ты пренебрегаешь будущими мучениями, поскольку они предстоят в будущем, а не теперь? А ты, когда тебя начнет тревожить жажда большего, побуждающая бросать жадный взор на чужое, приведи себе на память хотя бы следующие проклятия, и тотчас остановишь несправедное пожелание. Если пленяешься чужим виноградником, то представь, что слышишь глас Божий: *Виноград насадиши и возделаеши, и не оберещи его, и вина не испиеши, ниже возвеселишися от него, яко пояст я червь*; Вино твое отъято от тебе, и не отдастся тебе (Втор. 28, 30; 31; 39). Если пожелаешь масличного сада соседа своего, представь опять, что слышишь клятву Божию: *Маслины будут тебе..., и елеем не помажешися, яко истечет маслина твоя* (Втор. 28, 40)⁴. Если привлекает тебя нива ближнего твоего, с трепетом припомяни сказанное: *Семя много изнесеши на поле, и мало внесеши..., и вся жита земли твоя потребит ржа* (Втор. 28, 38; 42). Подумай и вот о чем: *Дом созиждеши, и не поживеши в нем* (Втор. 28, 30), и таким образом не будешь *совокуплять дом к дому* (Ис. 5, 8). Ибо и такие наказания налагает Бог на людей преданных плоти и безразличных к будущему. Чтобы и с нами не случилось такого, воспользуемся настоящим временем, взяв в помощники благой пост. Ибо при его содействии мы отстанем не только от излишества в пище, но и от любостяжания.

В15. Если же уклонимся от любостяжания, сего великого зла, то сотворим и величайшее благо (Пс. 33, 15), благодетельствуя нуждающимся. Ибо недостаточно только освободиться от любостяжания, но надлежит прибавить к сему и доброту. Ведь перестать быть любостяжательным означает избавление от болезни, но если еще и делиться с другими, то в этом будет заключаться возвращение к здоровому образу действий. Любостяжательная душа подобна некоему оврагу, отовсюду принимающему в себя грязь, и ей надлежит, освободившись от худого притока, сделаться источником благостыни, а дурные и лишаящие плодородия воды исцелить с помощью соли евангельской. Посему, *смирив постом душу свою* (Пс. 34, 13), станем творить благо, оказывая милостыню братьям во Христе. Не может удостоиться помилования от Владыки тот, кто не милует подобного себе раба. Ибо *милостивые помилованы будут* (Мф. 5, 7).

В16. Милость же бывает многовидна и многообразна; она не ограничивается лишь телесными нуждами, но еще больше устремляется к здоровью душевному. Ибо если ты словом питаешь человека, терзаемого *гладом слышания слова Господня* (Ам. 8, 11), то окажешь милость тому, кто в ней нуждается. Если успокоишь словами утешения опаляемого огнем любви или гнева, то нальешь жаждущему чашу прохладной воды. Сколько людей воспаляется, видя гордость нечестивого (Пс. 9, 23) и желая возмездия! И ты человеколюбиво напоишь их, научив великодушному терпению. А если ты унывающего утешаешь словами ободрения, то в скорбное сердце вливаешь вино радования. Думается мне, что именно это имеет в виду Соломон, когда советует: *Дадите сикера сущим в печалех и вино пити сущим в болезнях, да забудут убожества и болезней не воспомянут ктому* (Притч. 31, 6–7).

В17. Жаждет и домогающийся чужих имений, и такая жажда неутолима. Чем больше он поглощает чужое, тем больше разжигается, и выпитое не служит ему к избавлению от жажды, а разве что к сильнейшему ее возбуждению, так что он страдает, подобно укушенным дипсадами. Дипсады же — это ливийские змеи, которые живут в безводной Ливии и скрываются в песке. Укушенный ими томится неугасимую жаждою, и не перестает пить, пока не лопнет от множества выпитого. Итак, сжался над одержимым такую страстью и уврачуй разумными словами, утешая столь гибельные страдания. Пусть даже он, как аспид, затыкает уши свои (Пс. 57, 6), а ты всё-таки покажи свое человеколюбие. Ибо хорошо, когда нуждающегося наделяют телесной пищей, но еще лучше пища духовная, и настолько же превосходнее, насколько душа превосходнее тела. Посему, думаю, и Христос только дважды досыта наплатил поучавшийся у него народ хлебом и рыбою, словами же часто и повсюду; и воду претворил в вино только один раз, а вино учения возливал непрестанно.

В18. Но ты не книжник, наученный царствию небесному и способный *выносить из сокровищницы своей новое и старое* (Мф. 13, 52), чтобы удовлетворить нуждающихся в таком благодеянии? Тем не менее, открой *влагалище ветшающее*

(Лк. 12, 33) и богатство, которое и воры крадут, и *моль и ржа истребляют*, и давай займы Богу, благотворя нищему. О неслыханный обмен! Милость оказывается бедному, Бог же вменяет эту милость Себе в одолжение. А сколь велика прибыль! Ведь и одолженное Он возвращает с избытком, и добавляет к этому жизнь вечную.

В19. Ведаем ли мы значение судов Божиих? Какая причина неравенства между нами? Почему одни из нас живут в богатстве, а другие — в бедности? Или есть лицепрятие у Бога, чего и допустить нельзя? Или бедность и богатство даются Богом в возмездие за злобу и добродетель? Что до меня, то и этого не могу допустить. Ибо весьма немногие получают благоденствие в настоящем веке в награду за добродетель, да и не все бедные бедны по причине воздаяния за их злобу. Какова же причина бедности и богатства? Глубочайшую и истиннейшую причину, быть может, назовут другие, которые, подобно Даниилу, *возвещают сокровенная и разрешают соузы* (Дан. 5, 12), себе же я оставлю ту, что была явною в древности и остается теперь. Всё принадлежит Богу, даже то, чем, по-видимому, владеют люди. Ибо сказано: *Что ты имеешь, чего бы не получил* (1 Кор. 4, 7)? *Мое серебро и мое золото* (Агг. 2, 7), — глаголет Бог. И плоды земли есть дар Божий: *Господня земля, и исполнение ея* (Пс. 23, 1). Но что говорить о золоте, серебре и плодах? Самое тело есть создание Божие, сама душа — дуновение Божие. Итак, всё Божие. Бог же одним попускает пользоваться благополучием и приобретать здешнее богатство, а другим терпеть лишения и бедность, давая повод к человеколюбию и терпению. Ведь если бы все мы могли довольствоваться тем, что имеем, и никто не испытывал ни в чем нужды, чем бы отличался щедрый и человеколюбивый от того, кто не таков? Итак, бедность пришла в жизнь как испытание терпения, а богатство — доброты. И чудно сплетается эта драма, в коей обнаруживается тот, кто благодарен своему благодетелю. А под личиною бедного выступает Сам Бог, чтобы мы стали для бедняка, а лучше сказать, через бедняка для Бога, тем же, чем Он является для нас: благодетелем, кормильцем, попечителем.

В20. Итак, будем давать Божие Богу, чтобы сделаться подобными Ему, давая нуждающимся, как нам подает Бог. Если же ты неохотно расстаешься с золотом и не хочешь, выпуская его из рук, миловать нищего и давать займы Богу, по крайней мере давай людям займы без процентов. Ибо и в этом есть милостыня, и таким образом ты незаметно даешь займы Богу. Если дашь без роста, то обрешь большую прибыль; если же будешь давать под большие проценты, то это не принесет тебе пользы, а лишь позор, ибо процент пожирает, как ржа железо, не только рождающее его золото, но и душу ростовщиков. А если ты не богат золотом, то, может быть, у тебя есть в достатке хлеб, одежда, вино, кровля; этим делись с нуждающимися. Скажу больше: можно и небогатому такими вещами быть милостивым, если только он имеет душу сострадательную, сочувствует нуждающимся и *плачет с плачущими* (Рим. 12, 15), по заповеди апостольской. Ибо, подобно тому, как даже дающий много иногда не бывает милостивым, если он дает это не с милостивым расположением, а, например, ради славы человеческой и

естественного честолюбия, так и тот, кто по причине скудости своей подал только чашу холодной воды, или проявил сострадание, или посетил нуждающегося и выразил сочувствие, не лишится участия в блаженстве милостивых. Ценится не дело только, но и расположение, с которым что-либо делается: ведь и лев после насыщения оставляет остатки добычи другим хищникам, но оттого не считается добрым к ним, или вообще животным, дружественным для других животных. Так и человек не считается человеколюбивым лишь оттого, что дает, если дает не по благодати и состраданию, и не во исполнение заповеди.

В21. Итак, вот один и первый признак истинной милостыни, то есть подаяние с милостивым расположением, подобно тому, как признак справедливости — не просто делать что-либо справедливое, но на основании правды и по справедливому расположению, а признак врачебного умения — врачевать на основании врачебного искусства; ведь иначе стал бы лечить и несведущий в науке врачевания. Второй признак — с радостным и благосклонным расположением выказывать доброту, чтобы подаяние было доброхотное; недовольство же и огорчение служат признаком недоброхотного настроения. А тот, кто досадует при подаянии, и дает его не со светлым лицом и благосклонной душой, похож на человека, который во время бури выбрасывает в море корабельный груз. Ведь как тот, хотя и выбрасывает собственной рукой находящееся в корабле, однако горюет и стенает о потере груза, так и этот, подающий с огорчением, не выглядит добровольным милостивцем. А между тем надлежит радоваться и веселиться, что мы посредством человеколюбия уподобляемся Богу, и, кроме того, не сеять скупой, чтобы и не пожать скупой (2 Кор. 9, 6). Скупость же распознается в сравнении с обилием, и измеряется не количеством подаваемого, ибо и две лепты вдовы Господь назвал большим пожертвованием, чем великие жертвы богатых. И еще не следует трубить перед людьми о своей милостыне (Мф. 6, 2), ибо это свойственно славолюбию лицемеров, но скрывать и от левой руки, когда правая простирается на оказание милости, поскольку приобретающий для себя милостынею славу человеческую *уже получает награду свою* (Мф. 6, 2). И не должно быть в оказываемой милости даже духа любостыжания или вообще неправды, ибо не милость это, а доказательство человеконенавистничества. Говорится ведь: *Чти Господа от праведных твоих трудов* (Притч. 3, 9). А сверх всего, надлежит давать всякому просящему, ибо так милостивый становится совершенным и подобным Богу Отцу, который не над праведными только повелевает восходить Солнцу Своему, а неправедных оставляет блуждать во тьме, и не добрым только подает дождь, а на злых насыляет засуху, но по Своей благодати всем вместе дарует и свет и дождь, и движение воздуха и течение ветров (Мф. 5, 45; Деян. 17, 25).

В22. Однако видите ли вы силу поста, куда иной раз приводит она посредством речи о других добродетелях? Ибо не думайте, что речь, как некий поток, насильственно увлекла нас к неуместным отступлениям, но пост по природе своей постящегося подводит к тому на деле, а рассуждающего о посте — в его словах. Ибо,

уводя нас от чревоугодия, пост тем самым обязывает к воздержанию, а приводя к воздержанию, научает самодостаточности; научая же довольствоваться малым, отдаляет от любостяжания и направляет к раздаче собственного имущества, то есть к уподоблению Богу. И вот пост есть основание или первая ступень сей лестницы, вершина которой достигает неба. Ступивший же на эту ступеньку переходит на следующую за нею, затем оказывается на дальнейшей и так минует все, пока не подыметя, как говорится, до самого верха. Но только восходящий по чувственной лестнице переставляет ноги с одной ступеньки на другую, и, пройдя все, наконец восходит на самую высшую; здесь же тот, кто начинает восхождение с поста, даже и достигнув вершины, не возвышается над постом, а и в таком состоянии всё еще подвизается в шествовании по нему. Так и великий Павел, многократно упражнявшийся в постах, даже и после восхищения до третьего неба (2 Кор. 12, 2) не оставлял пощения, но говорил: *Усмиряю и порабощаю тело мое, чтобы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным* (1 Кор. 9, 27), — руководство поста называя порабощением тела. Ибо рабское тело, притесняемое постом, не восстает против госпожи.

В23. Но не удобнее ли будет представить пост основанием и опорой прочих добродетелей? Ибо с него начинается их созидание, и на нем же опять-таки покоится готовое здание. Может быть, и упомянутый в Евангелиях человек, *построивший дом свой на камне* и посему уподобляемый *мужу благоразумному* (Мф. 7, 25), есть основавший делание добра на посте. Ибо, если дом добродетелей утвержден таким способом, то его не разрушает дождь, то есть жизнь роскошная, не затопляют реки Вавилонские, при которых сидя плачут уведенные из Иерусалима (Пс. 136), и не потрясают подувшие на него ветры, то есть духи злобы.

В24. Итак, снова положим основание покаяния *от мертвых дел* (Евр. 6, 1), разумею пост при покаянии, хотя надлежало бы теперь не закладывать фундамент покаяния, а, давно сделав это, возводить этаж добродетелей. Но чтобы нам не истратить остальное время жизни в непотребстве, хорошо начать хоть теперь. Ибо Бог благ, и, желая спасения кающихся, Он приемлет начало обращения как совершенное покаяние. И свидетель правоты моих слов — блудный сын, которого отец увидел при его возвращении, *когда он был еще далеко*, сжалился и, побежав, целовал еще прежде, чем тот мог приблизиться и сказать: *«Я согрешил против неба и пред тобою»* (Лк. 15, 20–21). Возвратимся же и мы к Богу и Отцу, и, исповедаюсь, скажем: *«Согрешили мы против неба и пред Тобою!»* Ибо полезно показывать врачу раны, сколь бы отвратительными они ни были, так что болезнующие телесно не скрывают даже срамных своих членов, если они в худом состоянии, как сказано: *Беззаконие мое познах и греха моего не покрых, рех: исповем на мя беззаконие мое Господеву; и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5).

В25. Итак, брат, не скрывай язв души своей, но, показывая их целителю, плачь, проси милости, ищи уврачевания, через которое ты освободился бы от несчастья. Лучше в нынешнем веке испытать немного стыда, нежели вечно испытывать его в

будущем, когда все мы, *обнаженные и открытые* (Евр. 4, 13), *явимся пред судилище Христово* (2 Кор. 5, 10), когда ничему из наших проступков нельзя будет утаиться, но всем будет явлено всё. Кто же не променяет тамошнего суда на здешний? Кто добровольно не выскажет людям того, что откроется пред Богом и всею тварью? Ты хочешь скрыть свой грех? Восторжествуй над ним через исповедь, ибо именно так покрывается грех, хотя сказанное и звучит необычно. То, что ты скроешь, выставлено будет на вид, а что сам выставишь, то прикроется. Ибо говорится: *Блажени, ихже оставишася беззакония, и ихже прикрывшася греси* (Пс. 31, 1). Отпускаются же они посредством крещения, а те, что возникают вновь, покрываются исповедью и покаянием.

В26. Обратите внимание и на то, как Каин, не сознавшийся в убийстве брата, в обличение братоубийства был осужден на изгнание и скитание по земле, причем его можно было повсюду отличить по наложенному на него знаку; а Ламех, согрешивший тем же самым, поскольку он объявил об убийствах, на которые осмелился, и сам на себя произнес приговор, признан благомыслящим, и не написано, чтобы он пострадал наравне с Каином. Ибо Каин, которого Бог Своими вопросами побуждал к исповеди, ответил: *«Не вем; еда страж брату моему есмь аз?»* (Быт. 4, 9). Ибо он полагал, что сможет скрыть братскую кровь, которая, даже поглощенная землей, вопияла к Господу (Быт. 4, 9). Ламех же, хотя его никто не вызывал, говорит: *«Услышите глас мой, жены Ламеховы, внушите моя словеса: яко мужа убих во язву мне и юношу в струп мне»* (Быт. 4, 23). Ведь он, будучи благомыслящим, добровольно исповедал грех и сам на себя наложил наказание не только словами *«во язву мне и в струп мне»*, но и тем, что прибавил к ним: *«Яко седмицею отмстися от Каина, от Ламеха же семьдесят седмицею»* (Быт. 4, 24).

В27. Таково похвальное правило исповеди: добровольно обнаруживать грехи свои и произносить приговор над собою, как над согрешившим непростительно. Ибо говорится: *Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26). И апостол говорит: *если бы мы судили себя сами, то не были бы судимы* (1 Кор. 11, 31). И мытарь, ставши в храме вдаль, как осужденный, не смея и очей возвести к небу, но и биением в грудь наказывая себя, так вышел оправданным (Лк. 18, 14). И блудный сын тотчас же возвращает себе благородство сыновства, поскольку низвел себя в разряд наемников отца своего (Лк. 15, 19–22). Ибо как оправдывающий себя заслуживает осуждения, даже будучи праведным, так и осуждающий себя бывает оправдан, хотя бы и был иначе повинен суду. Так что *непщевати вины о гресех* (Пс. 140, 4) и сочинять слова, посредством которых кто-либо иной раз защищает себя, есть не что иное, как, подобно праотцам, сшивать для себя листья смоковничные и скрашивать свое безобразие, которое и при таком прикрытии остается ничуть не меньшим безобразием.

В28. Посему не должно перекладывать вину ни на естество тела, как Адам на Еву, ни на диавола, как жена на змия, ни ссылаться на преступление Давида и говорить, что нисколько не удивительно твое падение, когда столь великий пророк

впал в бóльшие грехи. Так говоря и рассуждая, ты шиваешь суетные прикрытия и делаешь себе препоясания, будто бы прикрывающие срам греха твоего. Но как первозданные, желая не выглядеть безобразными, не получили никакой пользы от лиственного покрова, ибо и в таком виде, едва услышав глас Божий, стали скрываться, словно были нагими, так и ты, какие бы ни придумывал словесные ухищрения, не скроешь греховного безобразия этим, так сказать, смоковничным пособием. Итак, брось шивать доводы в защиту, не прикрываясь, обвиняй самого себя, терпи стыд за свою преступность, предупреждай приговор и присуждай себя к крайнему наказанию. Кроме того, опасайся, как бы после исповеди не впасть в те же грехи и не погубить того, что приобрел через исповедь. Приобретаем же мы через исповедь воздержание от исповеданных нами грехов, подобно тому, как лечение дает нам здоровье. Ибо сказано: *«вот ты выздоровел; не грехи больше»* (Ин. 5, 14).

В29. Итак, что мне сказать? Посредством исповеди мы очистили душу от таившихся во глубине ее худых соков; не станем же теперь, как псы, *возвращаться на свою блевотину* (2 Петр. 2, 22). Мы коснулись края одежды Христовой, начав покаяние, и тотчас остановилось течение греха; будем остерегаться, как бы снова не открыть дорогу злу, и снова не расцвела у нас проказа греха, нарыв которой очистила исповедь. Не склонимся ко греху сызнова и не сделаемся вторично больными! Поскольку же посредством исповеди мы выпрямились от болезненной корчи (ср. Лк. 13, 11–13), поскольку, прекрасно подражая оной грешнице, приступили в слезах и лобзали ноги Владыки, наводящие на стезю покаяния, поскольку испускали из очей слезы, как драгоценное миро из алебастрового сосуда, и уничтожили мерзкий смрад греха, смывши его, то теперь не следует нам снова накоплять ту же нечистоту, и после того, как мы наконец пришли в себя, возвратились к отцу и прекрасно исповедали грех свой *против неба* (Лк. 15, 17–21), опять расточать отеческое наследие, покидать великое изобилие и чрез лишение толиких благ снова терпеть нужду и пасти свиней на чужой стороне. Ведь душевные болезни так же легко возвращаются, как и телесные. Так что лучше всего и с самого начала не согрешать, если возможно, но, уже согрешив, хорошо и тотчас обращаться и, посредством исповеди исправляя свой поступок, более не грешить тем же. А если ты всегда грешешь и всегда исповедуешься, какая польза от исповеди? Ибо тогда ты похож на больного, который постоянно обращается к врачам, но не исполняет ничего из врачебных советов, и оттого всегда болезнует.

В30. Итак, если ты искренно каешься, надлежит отстать от греха. Ибо, доколе грешешь, ты не каешься, хотя бы и исповедовался тысячекратно. Посему и Каину говорит Бог: *«Не согрешил ли еси? Умолкни»* (Быт. 4, 7), — то есть *«успокойся и перестань грешить впредь»*. Ибо успокоение есть некий род покаяния, после которого мы от греха переходим к стремлению не грешить уже. Такое успокоение апостол называет и умерщвлением, ибо говорит: *Умерши для греха, вы стали рабами праведности* (Рим. 6, 18). И Давид, когда молится: *Пригвозди страху тво-*

ему плоти моя (Пс. 118, 120), — молит, конечно, о неподвижности на грех. Ибо после божественного крещения нет другого лечения для греха, как посредством покаяния *уклониться от зла* и творить противоположное ему благо (Пс. 133, 15). Например, о любостязании можно сказать, что, если любостязательный уже не желает большего, то уклоняется от зла, а если от собственного имущества уделяет бедным, то творит благо. То же и относительно злоречия: более не сквернословить — значит отстать от зла, говорить же добрые слова есть движение к добру. И в том, что касается блуда, когда ты уклоняешься от чужой жены, то прекрасно уклоняешься от зла; а если затем *соблюдаешь* тело свое *в святости* (1 Фес. 4, 4), или целомудренно общаясь со своею женою, или совсем удерживаясь по некоему уговору *для упражнения в посте и молитве* (1 Кор. 7, 5), то совершаешь еще и добро. Итак, исповедь и покаяние есть некий промежуток между грехом и безгрешностью, находящийся в котором отстает от греха и начинает упражняться в добре, или же, подобно некоему рассвету, конец ночного греха и начало дневной безгрешности.

В31. Итак, искренно раскаиваясь, будем неоглядно бежать тьмы греха и стремиться к свету правды. Станем бежать, чтобы не быть опять настигнутыми преследующей нас тьмою, и чтобы не получилось так, что иногда мы, словно днем, будем вести себя благообразно, а иногда претыкаться, словно ночью, и, то отмечая себя светом покаяния, то помрачаясь греховным мраком, незаметно окажемся изменчивыми, подобно луне, и будем за это осуждены, как безумные. Ибо *безумный яко луна изменяется* (Сирах 27, 11). Что же это значит? Луна не всегда сияет одним и тем же светом, но, нарастая, постепенно наполняется им, а умаяясь, опять его теряет. В одно время она, совсем темная ликом, выставляет лишь некий блестящий серп, как бы некую светлую окраину, и тогда изучающие небесные явления называют ее месяцем; в другое же время делится надвое, уступая равные доли свету и мраку. Потом она, освещенная более чем наполовину, приобретает двояковыпуклую форму, и, наконец, сияет светом по всей окружности. Но, едва успев стать полною, она снова сокращает изливания света, проходя через те же формы, в которых принимала его, пока, понемногу умаяя свет, не скроется, сделавшись вся туманной и черною. Затем она опять с самого начала проявляет все те же освещения, и вообще не остается в одних и тех же состояниях, будь то озарение или потемнение, но постоянно преобразовывается от одного к другому посредством умалений и приумножений.

В32. Посему человека, всегда меняющегося подобно луне, и то сияющего блеском добродетели, то омрачаемого чернотою порока, Писание назвало безумным, как нетвердого в добре и неустойчивого. Так и Давид блаженный, доколе полагал *восхождения в сердца своем* (Пс. 83, 6), изменялся по *изменению десницы Вышнего* (Пс. 35, 10) и к свету прилагал свет, воспевая: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10), *Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим* (Пс. 118, 105); когда же очернил себя тьмою блуда и затемнил мраком убийства, то в горести сказал: *И*

ночь просвещение в сладости моей (Пс. 138, 11). Потом же и сам он, называя такое извращение безумием, говорит: *Возмердеша и согниша раеы моя от лица безумия моего* (Пс. 38, 6). И в другом месте: *Боже, Ты уведед еси безумие мое* (Пс. 68, 6). И из дев, упоминаемых в Евангелии, Спаситель благоразумными назвал тех, что соблюли огонь светильника негасимым, а глупыми тех, у кого погасли светильники (Мф. 25).

В33. Ибо легко уклонение от добра; и насколько трудно отставать и переменяться от зла, настолько же легко возвращение к нему, подобно тому, как и от болезни выздоравливать весьма трудно, а впадать в нее снова — дело быстрое. И хорошо выразился сказавший, что чувствование есть как бы гвоздь, соединяющий душу с телом, самим проникновением своего настроения присоединяющее и как бы пригвождающее душу к услаждению посредством тела⁵. Ибо вот, смотри, как душа связывается наслаждениями, свойственными каждому из чувств. Когда она бывает очарована посредством взоров, то пригвождается одним великим гвоздем; другим же, когда увлекается играми и звучанием, производимым струнными и духовыми инструментами. Еще один гвоздь заключается в обонянии благоволий, которые, как говорится, водят ее за нос⁶. А оставшиеся гвозди для души, то есть гвоздь осязания и гвоздь вкуса, гораздо крепче других. Первый из них проникает по всему телу, в особенности же с помощью срамных частей почти превращает душу в плоть; другой же, утучняя тело снедями, делает его узы прочнее. Вот как душа пригвождается пятерицею чувств и приковывается к настоящему миру, как древних преступников забивали в «колодки пятищельные»⁷.

В34. Сколь же трудно освободиться от таких и стольких уз, если мы не будем относительно каждого чувства выбивать клин клином⁸, то есть одним удовольствием другое, духовным — плотское? Например, удовольствием от слов Господних, кои *слаждия паче меда и сота* (Пс. 18, 11) — временное услаждение снедями, пением священных песней, коих предначинатель есть Орфей церковный, медоточивый Давид — увеселение нескромными напевами, а изумлением пред *красотою созданий* Божиих (Прем. 13, 5) — волнение от суетных зрелищ. Короче говоря, от неразумного пристрастия чувств отвлекает душу Слово жизни, которое мы с удовольствием и слышим, и видим очами, и руками осязаем, и ядим и пием как небесный хлеб и питье жизни. И, вообще, Слово это для всех чувств бывает всем.

В35. А когда же мы достигнем этой цели, если не теперь, когда *ночь прошла, а день приблизился* (Рим. 13, 12), когда дела плотские удаляются, а наступают духовные? Когда удобно пресечь не только насыщение чрева, но и услаждение находящихся под ним срамных частей, подобно тому, как вслед за высыханием источника иссякает и вытекающий из него поток? Когда легко отстать от неразумного ликования и положить начало печали по Богу, которая производит неизменное покаяние для спасения? Когда настало время носить *образ небесного*, как мы носили *образ перстного* (1 Кор. 15, 49). Образ же перстного: *блуд, нечистота, страсть,*

похоть злая, люботяжание, которое есть *идолослужение...*, и тому подобное (Гал. 5, 19–21). А образ небесного: *любовь, радость, мир, долготерпение, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22–23). Нетрудно всякому человеку воспринять тот из этих образов, какой он хочет. Посему и апостол говорит: *Как носили мы образ перстного, так станем носить и образ небесного* (1 Кор. 15, 49), — словом «носить» представляя легкость перемены, как если бы было сказано: «Мы облеклись в грязную одежду греха, и не составляет никакой трудности снять ее и облечься в одежду добродетели».

В36. Пост — это как бы набросок образа Божия в человеке. И как живописцы не прежде налагают краски, нежели сделают начертание будущего образа, так и мы, начав с поста, как с некоего наброска, после этого расцвечиваем его цветами прочих добродетелей, постоянно заимствуя из первообразной красоты образцы для каждой и подражая им. Первообраз же всякой добродетели есть без сомнения Бог, по образу и подобию Которого мы сотворены. Господь *долготерпелив и многомилостив, праведен, свят и благ всяческим* (Пс. 144, 8–9). Итак, запечатлеем в себе, эту бесконечную благодать Божию, проявляя долготерпение, творя справедливость, храня преподобие и исполняя заповедь: *будьте милосерды, как милосерд и Отец ваш небесный* (Лк. 6, 36). И еще: *милуйте, чтобы быть помилованными* (ср. Мф. 7, 7). Если же мы сумеем исполнить и заповеданное: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный* (Мф. 5, 48), — тогда сделаемся совершеннейшим образом Божиим.

В37. Ибо не следует думать, будто мы всё исполнили, держась только одного поста, который мы выше назвали начертанием образования по Богу, чтобы дни пощений наших не уклонились, *яко сень* (Пс. 101, 12) или начертание; но будем расписывать себя и красками других добродетелей, *доколе не изобразится в нас Христос* (Гал. 4, 19). Подлинно так по образу ходит человек, так *носит образ небесного*, по завету апостольскому (1 Кор. 15, 49)! Тогда как если кто настолько развратился, что в тягость себе вменяет пост, это предначертание и очерк образования по Богу, носит не только *образ перстного*, но вместо облика человеческого принимает змеиный и становится перстнее перстного. И что же он такое, как не сродник зверя ползающего и ядущего персть во все дни (Быт. 3, 14), ибо и сам пресмыкается на груди и чреве, и уподобляется осужденному на это? Так когда же он станет человечнее или преобразится в подобие Божие, если не захочет перемениться теперь, когда самое время переменить звериное пресмыкательство на чреве на вид и разум человеческий и прямой, с плачем вопия и каюсь, подобно Давиду: *Прильпе земли утроба наша?* Ведь, поскольку мы из-за своего чревоугодия уподобились тому, кто ходит на груди своей и чреве своем, и все дни ест землю, *смирися в персть душа наша* (Пс. 43, 26) тем, что мы носили образ перстного. [Когда же, если не теперь,] когда Бог *подает доброте нашей силу* (Пс. 29, 8) через пост, о могуществе и способности которого увеличивать красоту не только душевную, но и телесную свидетельствуют постившиеся вместе с Даниилом отроки, оказав-

шиеся по виду красивее тех отроков, что наслаждались столом царским (Дан. 1, 15)? Ибо пост и тело проясняет, подобно зеркалу, и на поверхности его проявляет приятные качества души, делая и внешнего человека столь же любезным, сколь и внутреннего, тогда как, напротив, невоздержность чрева вместе с душою наносит вред и телу, порождая и питая тысячи недугов.

В38. Возлюбим же это Богом посланное нам дело и будем принимать с удовольствием его ежегодное к нам возвращение, хотя и следовало бы постоянно иметь своим спутником воздержание и не позволять невоздержности одолеть себя, а не разделять свою жизнь на части. Ибо и воздержание есть один из плодов духа (Гал. 5, 3), и подобно тому, как повелено нам *радоваться всегда* (Флп. 4, 4), *за всё благодарить* (1 Фес. 5, 18) и *непрестанно молиться* (1 Фес. 5, 17), точно так же заповедано и воздерживаться всегда (2 Петр. 1, 6; 1 Кор. 9, 25). Ибо Христос, жаждущий нашего спасения, ищет от нас поста и воздержания, как и остальных плодов духовных, не на одно только это краткое время, а всегда. Ибо раз в году приносить плод, а не обиловать плодоношением непрерывным, Христос поставляет наравне с бесплодием. Посему не только смоковницу бесплодную, как напрасно занимающую место, велит срубить (Лк. 13, 7), но проклял и не бесплодную, но не имеющую плодов постоянно (Мк. 11, 13). Ибо так замечает евангелист Марк: «Когда не было время собирания смокв, искал смокв на смоковнице, и, найдя только листья, проклял». Чему же можно научиться отсюда? Ибо не всуе Христос ищет смокв на смоковнице не в пору смокв, и не без причины прокликает дерево, так что оно тотчас засыхает. Но ищет Он от нас сладких плодов духовных, то есть *любви, радости, мира, долготерпения, благости, милосердия, веры, кротости, воздержания* (Гал. 5, 22–23), ищет и во время, и не во время собирания их.

В39. Что я хочу сказать? Время любви, первого плода духовного, есть, когда мы любим любящих нас; а не время любви, когда обиды со стороны ближних побуждают нас ненавидеть их. Однако же, поскольку нам повелевается *любить врагов* (Мф. 5, 44) и не прекращать любви, хотя бы худые люди и вызывали в нас ненависть, то взыскиваются от нас смоквы не в пору собирания смокв, и если Христос не найдет нас любящими в то время, которое вызывает на ненависть и вражду, то прокликает, как ту смоковницу. Опять-таки, второй плод духовный есть радость, и время для нее — когда никакие внешние неприятности не беспокоят нас; а не время радости — когда мы подвергаемся опасностям. Но поскольку апостол говорит: *всегда радуйтесь* (Флп. 4, 4) и *за всё благодарите* (1 Фес. 5, 18), то, следовательно, и во времена огорчений нам заповедовано радоваться нисколько не меньше, так что и не во время смокв требуются от нас смоквы, а если мы не дадим их, то пострадаем наравне с проклятой смоковницей. То же самое и относительно мира. Если мы живем тихо, когда на нас никто не нападает, то производим *мирный плод* (Евр. 12, 11) во время мира; но так как и *с ненавидящими мира* необходимо быть мирными (Пс. 119, 6), поскольку *рабу Господа не должно ссориться* (1 Тим. 2, 24), то опять-таки требуются от нас смоквы не во время смокв.

В40. Но, чтобы не распространяться о прочих плодах духа, Христос требует от нас и воздержания, как в иных вещах, так и в пище, не только в это время воздержания, но и не во время, и мы, подобно той смоковнице, подпадаем проклятию, если не предоставляем дани от плода сего. Если же вместе с прочими добродетелями необходимо во всякое время соблюдать и воздержание, чтобы не подвергнуться тому же, что испытала и проклятая смоковница, то что же должно случиться с нами, если мы не постимся и не воздерживаемся теперь, когда настал час поста и налились соком плоды воздержания? Мало того, даже если мы, воздерживаясь от яств, не отстанем от прочих худых дел, то и в таком случае не избежим проклятия. Ибо украшающийся только пощением в пище, как и та смоковница листьями, не имеет плода покаяния, от которого Христос желает напитаться. Езекия же, да и всякий другой, кто плачет в болезни, исцеляется. *И рече Исайя: да возьмут перевясло смоквей и да положат на вред, и изцеляет* (4 Цар. 20, 7; Ис. 38, 21).

В41. Итак, *сотворим достойные плоды покаяния* (Мф. 3, 8), ради которых установлен и пост. Ибо именно их ищет от нас Христос, а не найдя, прокликает. И ищет Он не только во всякое время, но и весьма рано. Ибо так я понимаю повествование Матфея о том, как Господь *поутру взалкал* и подошел к смоковнице, ища плодов (Мф. 21, 19). Ведь Христос, сильно желая нашего спасения, с ранней поры ищет плодов покаяния, по человеколюбию Своему вмения их как бы в снедь и пищу Себе (Ин. 4, 34).

В42. Дай Бог, чтобы и вы, покаяясь нашим речам, как усердию земледельца, являли достойные плоды покаяния, мы же взывали к покаянию не только словами, чуждыми благих деяний, кои по справедливости походили бы на листья бесплодного растения, но и делами, которые обнаруживали бы плодородие говоримого. И тогда вы получили бы двойную прибыль, то есть и награду за послушание, и пользу от слышания, я же, и говоря во уши слушающих, и показывая жизнь, достойную своих речей, удостоился бы двойного ублажения, во Иисусе Христе Господе нашем, Которому слава и держава во веки. Аминь.

Комментарии

¹Κίχλις — одно из нескольких обозначений алтарной преграды, бытовавших в греческом языке с ранневизантийского периода [Высоцкий А.М., Казарян А.Ю., Сарабьянов В.Д., Этингоф О.Э. Алтарная преграда // ПЭ. Т. 2. С. 51–54].

²Неопределенная двоица (ἀόριστος δυάς) — одно из понятий платоновской философии, связанное с началом множественности, изменчивости и неопределенности. Двоица противоположна единице (монаде) как принципу единства и стабильности. В сочинении Ямвлиха «Теологумены арифметики», где впервые употребляется словосочетание «материальная двоица» (ὕλική δυάς), было сформулировано отождествление единицы с божеством, а двоицы, соответственно, с материальным миром, в дальнейшем подхваченное святоотеческой традицией [Teologoumena arithmeticae /

Ed. V. de Falco. Leipzig, 1922. P. 8]. Интерес к соотношению материи и божества характерен, в частности, для Максима Исповедника, у которого материальная двойца ассоциируется с неразумными побуждениями человеческой природы [Anonymus in Ecclesiasten commentarius qui dicitur catena trium patrum / Ed. S. Lucà. Turnhout, 1983 [Corpus Christianorum. Series Graeca II]. IV, 9–12]. Подробнее см.: *Петров В.В.* Максим Исповедник: онтология и метод в византийской философии VII в. М., 2007. С. 97–100.

³ Аллюзия на следующий фрагмент монолога Этеокла из трагедии Еврипида «Финикиянки»:

Перед тобой желаний не таю:
На путь светил полунощных, и в бездну
Подземную, и к ложу солнца я
За скипетром пошел бы, не колеблясь,
Когда бы там он спрятан был. Царей
Великих власть среди богов бессмертных —
Богиня дивная. А я - фиванский царь!

[Eur. Phoen. 503–506; перевод И. Анненского]

⁴ Эта цитата из Второзакония используется также в 8-м поучении [л. 49v], где характеризует уже не предполагаемую, а реальную утрату созревших в Аттике плодов.

⁵ Михаил Хониат перефразирует высказывание Плутарха [Plut. Quaest. conviv. P. 718D Stephanus], в свою очередь восходящее к платоновскому диалогу «Федон» [Plat. Phaed. 83d].

⁶ Выражение «водить за нос» (греч. ῥινὸς ἔλκειν), в дальнейшем ставшее пословицей, впервые встречается в нескольких диалогах Лукиана [Lucian. Pisc. 12; Adv. indoct. 20; Philopseud. 23; Hermot. 68]. Михаил Хониат приводит его в слегка измененном виде, добавляя к существительному предлог ἀπό. Любопытно, что аналогичному изменению данная пословица подвергается и у его брата Никиты, который дважды использует ее в своем историческом сочинении [Nic. Chron. Hist. P. 114:29; 322:54].

⁷ Выражение πεντεσὺρίγγων ξύλον (буквально «дерево о пяти отверстиях»), под которым понимается колодка для преступников с отверстиями для рук, ног и головы, заимствовано из комедии Аристофана «Всадники» [Aphr. Equit. 1049], где встречается единственный раз в античной литературе (не считая вторичных контекстов).

⁸ Michael Apostolius. Collectio paroemiarum // CPG. Vol. 2. XIV, 1.